

Стилистические ресурсы лексики русского языка

ЕВГЕНИЯ Ф. ПЕТРИЦЕВА
(Москва)

Языковые средства, которые более или менее регулярно используются носителями литературного языка в тех или иных стилистических целях (стилистические ресурсы), разнотипны. Задача настоящей статьи в том, чтобы строго отграничить стилистически окрашенную лексику от всех других, принципиально иных типов стилистических ресурсов лексики. С этой целью привлекается не только лексический материал, но отчасти и словосочетания, формы слов, некоторые синтаксические явления.

Под стилистически окрашенной лексикой понимаются лексические единицы (однозначные слова и определенные значения многозначных слов, далее для краткости слова) типа *картошка, пшеника, папа, тетя, ибо, впоследствии, вменять, проживать где-нибудь, нынче, сперва, покуда, шокировать, утрировать, утомиться, сборище, полчище, безапелляционный, главарь, воин, сподвижник, злодеяние, раскорячить, шмякнуться, кумпол, лаба «лабораторная работа», жратва* и т.п.

Стилистически окрашенная лексика (как и стилистически окрашенные средства всех других уровней языка) имеет три признака.

Один из них, благодаря которому она и получила свое наименование стилистически окрашенной, — ее способность (особенно ярко проявляющаяся при сопоставлении стилистически окрашенных элементов языка с соответствующими им по значению стилистически нейтральными) вызывать вне текста тот или иной стилистический эффект. Ср. *пшеничная крупа — пшеника, сначала — сперва, пока — покуда, толпа — сборище, шмякнуться — упасть, уборная — сортир* и т.д.

Другим ее признаком является то, что она заключает в себе помимо предметной информации (сведений о признаках обозначаемого предмета) и грамматической информации также какие-то непредметные сведения – ту или иную характеристику тех или иных обстоятельств общения. Так, слова *картошка, пшенка, тетя, папа, ибо, впоследствии* характеризуют сферу общения, *нынче, сперва, шокировать, утрировать* содержат в себе социальную характеристику самого говорящего, *сборище, сподвижник, злодеяние* выражают отношение к обозначаемым предметам, *сортир, опунеть* несут в себе оценку обозначаемого, т.е. оценку самих себя.

Непредметная стилистическая информация, как и предметная, семантическая, представляет собой факт языкового сознания говорящих на литературном языке. Поэтому один и тот же языковой элемент по представлениям одних носителей литературного языка, одних групп населения может заключать в себе какие-либо стилистические сведения, по представлениям других не заключать. Методы, позволяющие исследователю проникнуть в собственное языковое сознание, и методы и приемы зондирования языкового сознания других носителей литературного языка с целью проверки результатов самоанализа, а также критерии стилистической кодификации подробно рассматривались в монографии автора (Петрищева 1984). Далее коротко коснемся методов самоанализа.

И наконец, третий признак стилистически окрашенных слов (фразеологизмов, форм, конструкций) состоит в том, что речевые условия их употребления ограничены.

Из трех признаков дифференциальным (наличие которого у языкового элемента является безусловным показателем принадлежности к стилистически окрашенным средствам языка) является только второй – заключенная в таких средствах непредметная стилистическая информация.

Способность вызывать вне контекста стилистическое впечатление (стилистическая окраска), хотя и представляет собой наиболее заметный, обращающий на себя внимание как лингвистов, так и нелингвистов признак языковых фактов типа *картошка, мама, ибо, злодеяние* и т.п., не может быть признана таким показателем, поскольку не все языковые элементы, обладающие указанной способностью, содержат в себе характеристику каких-либо обстоятельств общения. Стилистическая окраска слов, форм, конструкций может быть обусловлена тем, что они всего лишь напоминают о тех или иных речевых ситуациях, вызывают ассоциации с

ними. Разница между теми и другими средствами языка отчетливо обнаруживается, во-первых, в контекстах, не позволяющих получателю речи судить о характере данных обстоятельств речи („немых” по отношению к этим речевым обстоятельствам). Те средства, которые содержат в себе непредметные стилистические сведения, вносят их в „немые” контексты, и тем самым с полной очевидностью характеризуют соответствующие условия общения. Так, газетные заголовки *Страсти из-за ловли тунца* („Известия”, 18.3.91) и *Страсти из-за турецкого языка* („Известия”, 17.3.91) определенно указывают на отрицательное отношение говорящего к событиям, описываемым далее в газетных публикациях, причем очевидно, что источником сведений об этом является только слово *страсть* в форме множ. числа в значении ‘сильные неприязненные чувства, с трудом подавляемые рассудком’, поскольку его контексты („из-за ловли тунца”, „из-за турецкого языка”) являются в данном отношении „немыми”.

Контексты типические, содержащие сведения о данных обстоятельствах общения (эти сведения могут быть выражены каким-либо стилистически окрашенным элементом языка и могут вытекать из самого содержания сказанного), как и внеконтекстная осведомленность получателя речи об этих обстоятельствах (например, о говорящем) не позволяют судить, вносят ли в них эти же сведения интересующий исследователя элемент. Иное дело слово *беспрецедентный*. Оно, как очевидно, имеет некий ореол оценочности (ср. *беспрецедентный* случай, *беспрецедентное* заявление, *беспрецедентный* проект), напоминая о разного рода отрицательных ситуациях (преимущественно в общественной жизни), по отношению к которым довольно часто применяется. Таких, например: „Отвечая на запрос 56 народных депутатов, министр внутренних дел РСФСР В. Баранников сообщил, что в республике сложилась *беспрецедентная* ситуация. Рост преступности, который начался в 1988 году, приостановить не удается” („Куранты”, 5.4.91). Однако полной определенности относительно оценки говорящим предмета речи это слово не дает, хотя и заставляет предполагать (в отличие от безусловно нейтральных в оценочном отношении *небывалый*, *необычный*, *единственный в своем роде*, *не имеющий аналогов*), что эта оценка скорее всего отрицательная. Ср. также стилистически окрашенные *нажиться* и *нажива*, заключающие в себе отрицательную оценку обозначаемого, и слово *нажить* (дом, дачу, автомашину), которое обладает ореолом отрицательной оценочности, напоминая (особенно если дом, дача, автомашина характеризуются как роскошные, вели-

колепные и т.п.) о ситуациях, когда приобретение того или иного имущества связывают с нечестными, противозаконными действиями, и о пословице „от трудов праведных не наживешь палат каменных”.

Различие между элементами, заключающими в себе характеристику каких-либо обстоятельств общения, и элементами, лишь вызывающими ассоциации с ними, обнаруживает себя, во-вторых, в смещенных контекстах, которые содержат противоположную оценку тех же самых речевых обстоятельств (она также может быть выражена как контрастно окрашенным словом, так и самим содержанием высказывания) и не позволяют судить ни о причинах, ни о целях столкновения разных характеристик одного и того же предмета или ситуации. Слово, содержащее в себе непредметную информацию, в таких случаях создает комический эффект. Например: „Скорбный вояж” („Известия”, 16.3.91). Комизм этого газетного заголовка объясняется тем, что эмоционально приподнятая положительная характеристика предмета речи и сочувствие, выражаемое словом *скорбный*, контрастируют с насмешкой, которую выражает слово *вояж*, и с обусловленной ею стилистической сниженностью этого слова. Слова же, лишь напоминающие о тех или иных речевых обстоятельствах, в подобного рода контекстах лишь в первый момент задерживают на себе внимание, но затем воспринимаются как естественные. Напр.: „Беспрецедентный успех спортсменки” („Радио”, 25. 5. 91); „Возрождение такой же торговли стимулировало беспрецедентный экономический рост. За 4 года (с 1948 по 1952 гг.) промышленное производство в странах Западной Европы увеличилось на 40 процентов” („Куранты”, 7.9.91).

Подобного рода предельно узкие контексты, „немые” по отношению к какой-либо стилистической информации или содержащие контрастные сведения, наиболее отчетливо выявляют, существует ли она в языковом сознании получателя речи. Поэтому именно они предлагались ранее автором исследователям для самоанализа и опроса других носителей литературного языка, лингвистов и нелингвистов.

Но наличие в слове, вызывающем стилистическое впечатление, непредметной стилистической информации обнаруживается и в случаях, когда текст, следующий за узким „немым” контекстом, раскрывает действительный характер обстоятельств общения или субъективную оценку их отправителем речи. Наиболее явственно разница между словами, несущими и словами, не несущими в себе непредметную информацию, ощущается, если последующий текст содержит сведения, которые не соответствуют

первоначальным предположениям получателя речи, основанным на непосредственном восприятии слова, словосочетания и т.п. Элементы, заключающие в себе характеристику соответствующих обстоятельств общения, создают в таких случаях эффект обманутого ожидания. Так, слова, обладающие отрицательной оценочностью, вызывают этот эффект, если текст, следующий за „немым”, опровергает отрицательную оценку предмета речи. Например, слово *безапелляционный* в „немом” относительно оценки содержания речи контексте: „Вывод был безапелляционным: документ заполнил начальник отдела внешней комплектации” („Вечерняя Москва”, 16.3.87) в соответствии с заключенной в нем информацией указывает на ошибочность данного вывода и отрицательное к нему говорящего. Но из дальнейшего выясняется, что это предположение неверно: „Виноват, Сбытов уговорил, признался начальник отдела”. Результат — эффект обманутого ожидания. Кстати, здесь оживляется внутренняя форма слова *безапелляционный*, она подчеркивает, что вывод не допускает пересмотра, апелляции ввиду своей безусловной справедливости.

Иначе ведут себя в подобных случаях слова, лишь напоминающие об отрицательных речевых ситуациях. Если из дальнейшего текста явствует, что предмет речи положительный или оценивается положительно говорящим, эффекта обманутого ожидания не возникает, получатель речи легко смиряется с несоответствием своих первоначальных предположений тому, что он узнает о предмете речи. Это можно видеть на примере газетного сообщения, озаглавленного *Беспрецедентный* проект („Известия”, 14.3.91.), где речь идет отнюдь не о таких проектах, как поворот вспять северных рек, а о совместном полете советского космонавта на американском космическом корабле и американского астронавта на советском.

Если сведения об обстоятельствах общения, которые содержатся в расширенном контекста, соответствуют тем, которые слово дает в предшествующем „немом” контексте, возникает эффект оправданного ожидания. Так, слово *дирижер*, употребленное в переносном значении «тот, кто подбивает кого-либо к каким-либо отрицательным действиям» в газетном заголовке „Стачка: обойтись без *дирижера*” с полной очевидностью указывает на отрицательное отношение говорящего к описываемой ситуации. Это находит подтверждение в самой статье: „Словом, опять ультиматумы, в жертву которым приносится и без того больная экономика” („Рабочая трибуна”, 16.4.91). Эффект оправданного ожидания, как можно видеть, с

меньшей очевидностью подтверждает наличие или отсутствие у слова той способности определенным образом характеризовать обстоятельства общения, которая обнаруживает себя в эффекте обманутого ожидания.

Очевидно, что самоанализ и зондирование языкового сознания информантов возможны и с помощью текстов, создающих эффект обманутого или оправданного ожидания. Следует лишь иметь в виду, что такие тексты пригодны для опроса только лингвистически подготовленных информантов, при личном контакте с ними исследователя. Предлагая им узкий контекст, можно задавать вопросы типа: „Как, по вашему мнению, относится автор статьи к описываемым событиям?” Необходимо также учитывать, что исходный узкий контекст обязательно должен быть „немым”. Если он содержит сведения, выраженные не только анализируемым, но и каким-либо другим словом или неязыковым способом, ни обманутое, ни оправданное ожидание и не подтверждает, и не отрицает стилистических свойств, которые ощущает у этого слова получатель речи. Так, в приведенной ниже фразе слово *откровение* – ‘нечто неведомое до сих пор, открывающее новое, неизвестное, дающее новое объяснение чему-н.’ имеет ярко выраженную ироническую окраску: „Посещение Горбачевым Белоруссии привело к новым теоретическим откровениям в области то ли философии, то ли марксизма= ленинизма” („Независимая газета”, 20.4.91). Но ирония создается несоответствием того, что известно читателю об упомянутой поездке (ср. высказывание по этому поводу А. Адамовича: „Вот приехал он в Минск и вдруг заговорил чужим языком. .. вся реакция в восторге, демократы обиделись”. „АиФ”, 1991, N 35) и заявлением о теоретической значимости ее результатов. Поэтому продолжение фразы („теперь всех правых следует считать и называть левыми и наоборот”), создающее эффект оправданного ожидания, не является свидетельством того, что слово *откровение* несет в себе информацию об ироническом отношении к предмету речи.

Итак, необходимо различать стилистическую окраску – и стилистический ореол, стилистически окрашенные средства – и ассоциативно-стилистические средства. Признаком же, которым первые отличаются от вторых, является то, что они заключают в себе непредметную стилистическую информацию.

Следует отметить, что статус ассоциативно-стилистического слова может быть временным, этапом на пути его перемещения из состава стилистически окрашенных средств в состав средств стилистически нейтраль-

ных или наоборот. Так, слово *обогащаться*, которое в советское время приобрело ярко выраженную отрицательную оценочность, в „немом” контексте: „Люди хотят работать и хотят *обогащаться*” создает диссонанс (в контексте: „Люди хотят *обогащаться*.” оно дает отрицательную оценку сказанному). Но если учесть, что фраза произнесена в наши дни пересмотра взглядов на богатство и бедность (в радиопередаче от 11.10.91) ярким сторонником рыночных отношений, впечатление диссонанса если и не исчезает совсем, то значительно ослабляется, что свидетельствует о начавшемся процессе утраты этим словом оценочных свойств.

Представляется однако, что это обстоятельство не дает основания отрицать существование ассоциативно-стилистических средств как особого типа стилистически маркированных средств. Этих средств достаточно много (они обнаруживаются, в частности, и в обиходно-бытовой сфере, ср.: *горшки, хваты*), причем их стилистические свойства имеют, как правило, довольно устойчивый характер.

Не является дифференциальным признаком стилистически окрашенных средств и, следовательно, безусловным основанием относить слова, формы и т.д. к этим средствам также и преиму щественное или даже исключительное употребление их в тех, а не иных обстоятельствах обления. Этим признаком обладают и такие языковые факты, как узко специальная терминология, так называемые неcodифицированные элементы синтаксиса устной спонтанной речи, неправильности, слова (словосочетания)-паразиты, встречающиеся в речи тех, кого принято считать носителями литературного языка. Но ограничения в условиях употребления этих средств и стилистически окрашенных средств имеют принципиально разный характер. Узко специальная терминология, неcodифицированные элементы, неправильности, слова (словосочетания)-паразиты реально закреплены за определенными речевыми сферами (стилями, как их принято называть), реально употребляются в них – преиму щественно или исключительно. Причем эта их закреплeнность обусловлена функционально, самими обстоятельствами общения. За пределы типичных для них речевых сфер они, как правило, выходят более или менее редко и, что характерно, или для создания шутливо= иронического тона (это особенно характерно для неправильностей и слов-паразитов), или в связи с переносом в нетипические условия какого-то экстралингвистического фактора, специфического для соответствующих сфер и обстоятельств общения. Так, терминология используется в поэзии и в обиходно-бытовой речи, если

разговор в этих условиях заходит о специальных предметах (в нетипические условия переносится фактор содержания).

Речевая закреплённость стилистически окрашенных средств – факт языкового сознания носителей литературного языка. Эти средства воспринимаются как принадлежность соответствующих сфер и обстоятельств общения. Чаще всего языковые представления о речевой закреплённости стилистически окрашенных слов совпадают с действительными условиями их использования, но в принципе могут и не совпадать. Так, слово *задумка* употребляется преимущественно в газетно-публицистической речи, хотя по своей стилистической окраске и по заключенной в нем стилистической информации принадлежит к просторечной лексике, что обнаруживается в приводимом ниже тексте. Ирония, которая отчетливо ощущается в этом тексте: „Несмотря на это я осмелюсь утверждать, что все появилось ко времени и с высокой ясностью обнаружило *задумки* возможных претендентов” (Н. Рыжкова и В. Бакатина, претендовавших на пост президента РСФСР. – „Рабочая трибуна”, 16.4.91) создается, что очевидно, столкновением сочетаний *осмелюсь утверждать* и *с высокой ясностью*, которые характеризуют говорящего как представителя высоко образованных слоев общества, и слова *задумка*, характеризующего говорящего как лицо, не являющееся носителем литературного языка. Существенно также, что заключенная в словах, словосочетаниях и т.д. стилистическая информация расширяет возможности их применения. Стилистически окрашенные элементы языка широко употребляются как в типических условиях, т.е. в речевых обстоятельствах, за которыми они закреплены, которые соответствуют той характеристике, которую они получают благодаря этим элементам (для слов, которые содержат в себе отрицательную оценку, типическим является применение по отношению к отрицательным явлениям, для слов, которые заключают в себе характеристику взаимоотношений между общающимися как интимно-родственных, примером чего является слово *тетя*, – использование в обиходно-бытовой речи), так и в нетипических условиях – по отношению к обстоятельствам речи, противоречащим непредметной информации, заключенной в том или ином языковом элементе. И что особенно показательно, не только в шутливо-иронических целях, но и для выражения субъективной оценки конкретной речевой ситуации говорящим или какой-либо группой лиц, которую он представляет или рупором которой является.

Так, слово, несущее в себе отрицательную оценочность, может быть употреблено, чтобы выразить неодобрительное отношение к положительному явлению: „Чтоб ему пусто было, этому *писаке!* Вот анафемский почерк! сказал один (наборщик о признанном писателе. — Е.П.) и, морщась от гнева и нетерпения, закрыл глаза рукою” (Л. Андреев, Книга). В уже упоминавшемся газетном заголовке „Раздувают *страсти*” слова *раздувать* и *страсти* отражают групповую точку зрения: в статье автор с осуждением говорит о берлинской юстиции, намеревающейся привлечь к суду эрика Хоннекера, по приказу которого за попытку перейти границу с ФРГ были убиты 190 граждан ГДР. Слово, характеризующее обозначаемое или отношение к нему говорящего как специфически обиходно-бытовое, может быть употреблено, чтобы отразить обиходно-бытовой взгляд на предмет речи, принадлежащий надбытовой сфере жизни, или создать обстановку непринужденной дружественности отношений между лицами, находящимися в деловых, официальных отношениях („Ну, я больше не буду говорить об этих *вещах*” — в выступлении на защите диссертации; „Знакомьтесь, это моя *сестричка*” в обращении начальника к подчиненному). У слов, которые содержат в себе характеристику говорящего как представителя наименее образованной части носителей литературного языка (*нынче, к примеру, воротиться, порошний*), способность выражать субъективное отношение к конкретным обстоятельствам речи находит проявление в употреблении этих слов представителями интеллигенции с целью подстроиться под словоупотребление собеседников.

Так, *нынче* и *к примеру* до недавнего времени широко использовались в газетной публицистике разного содержания, в том числе и в материалах на серьезные общественно-политические темы с очевидной целью создать атмосферу близости с широкой читательской массой, показать, что автор — свой человек для простых трудящихся, пишущий о них и для них. В последнее время у слова *нынче* появились (или вышли на первый план) другие функции: обыгрывается заключенная в этом же слове обиходно-бытовая информация. В приведенном ниже тексте говорящий как бы подходит к содержанию речи не с правовой, юридической точки зрения, а с позиций обиходно-бытовой жизни: „Рост преступности, который начался в 1988 году, приостановить не удалось. Более того, уголовные преступления *нынче* увеличились на 20 процентов по сравнению с прошлым годом. Причем речь идет об организованной преступности, с ярко выраженным насильственным характером” („Куранты”, 5.4.91).

Безусловно: именно возможность использовать языковые элементы, содержащие в себе непредметную стилистическую информацию, для субъективной оценки тех или иных обстоятельств общения составляет специфику этой информации, ее принципиальное отличие от информации предметной.

Целесообразно сравнить, с одной стороны, один из видов стилистически окрашенной лексики – лексику просторечную, а с другой, – неправильности и слова (словосочетания) – паразиты, поскольку у тех и других есть общее: все они не входят в состав литературного языка, представляют собой отклонения от его норм.

Как говорит непосредственное языковое чутье при сравнении вне контекста просторечных слов *давеча*, *вчера*, *покамест* – и неправильностей *ехай*, *средства*, *одеть* пальто, слов (словосочетаний) – паразитов *понимаешь*, *значит*, *это самое*, первые обладают, а вторые не обладают особой способностью вызывать стилистическое впечатление, т.е. не имеют ни стилистического ореола, ни стилистической окраски (отметим, что этих признаков не имеют и узко специальные термины типа *хроматограф*, *файл*, *рибонуклеиновая кислота* и некодифицированные синтаксические элементы).

Не столь очевидно отсутствие у неправильностей и средств-паразитов (как и у узко специальных терминов и некодифицированных фактов синтаксиса) непредметной стилистической информации. Действительно, неправильности, как и просторечные слова, в „немых” контекстах дают говорящему характеристику как лицу, не владеющему или недостаточно владеющему литературным языком, а слова (словосочетания) – паразиты характеризуют его как лицо, плохо владеющее литературной речью, страдающее косноязычием. Ср. экспериментальные контексты: „*Покамест* чаю не выпью, никуда не пойду”; „Я ж тебе еще *вчера* говорила об этом” – и „*Пальто одень*, холодно сегодня”; „*А средства* на это у вас есть?; „*Сиж*у я, *понимаешь*, пью чай”; „Мне, *это самое*, что-то нездоровится”.

Тем не менее сомневаться в том, что названные средства не заключают в себе непредметных стилистических сведений, нет оснований. Прежде всего потому, что они не имеют стилистической окраски, признака, который порожден именно этим – дифференциальным признаком стилистически окрашенных средств. Во-вторых, из-за различий в их применении. Неправильности и элементы-паразиты используются за пределами типической для них речевой среды в шутливо-иронических целях, для харак-

теристики персонажей художественных произведений, при передаче говорящим на литературном языке речи лиц, не владеющих литературным языком, или их передразнивании. Во всех этих случаях в нетипические условия переносится фактор отправителя речи. В собственной речи носителей литературного языка они будут восприняты как нарушающие его нормы, а в речи лиц, которые по своему социальному положению и уровню образования должны в совершенстве владеть литературным языком и литературной речью, как нонсенс. Ср. экспериментальный контекст – якобы высказывание ректора в точной передаче преподавателем вуза: „Средства для покупки компьютеров у нас есть. Оформите документы и *ехайте* за ними”.

Просторечные слова в этих же условиях воспринимаются как несообразность, вызывающая комическое впечатление, только при явной, безусловной немотивированности употребления. Ср. слово *ихний* в речи „одного из высших руководителей правоохранительных органов России”, как его представил ведущий радиопередачи: „Но, конечно, интересы следствия *ихнего* (латвийского) и нашего пересекаются” (Радио, 5.9.91). Если же признаков непреднамеренности употребления просторечных в собственной речи высоко образованного человека нет, получатели ее усматривают в таком употреблении то или иное стилистическое задание. Возьмем для примера экспериментальный контекст: „На другой день после этих событий ректор собрал нас и сказал: „*Покамест* серьезных конфликтов между нами не было...” Ректор „по определению” должен идеально владеть нормами литературного языка. Предположим, что его речь передана точно, и те, кому она адресовалась, и тот, кто ее пересказывал, и тот, кому она пересказывалась – преподаватели вуза, хорошо знающие его как человека высоко образованного. Все они поймут, что слово *покамест* употреблено преднамеренно, с целью сообщить речи особую экспрессию и придать ей некий подтекст (что-то вроде: „надеюсь, что и впредь до серьезных конфликтов у нас не дойдет, но если что – пеняйте на себя”). Если же ректор обралался (в присутствии преподавателя, рассказывавшего о событиях своему коллеге) к техническому персоналу – уборщицам, вахтерам и т.д., рассказчик и его адресат решат, что ректор, используя слово *покамест*, преследовал цель говорить со своими подчиненными на их (по его представлениям) языке. Сравните: „На другой день после этих событий ректор собрал нас и сказал: „Пока, *понимаешь*, серьезных конфликтов между нами не было”. Очевидно, что *понимаешь* в речи ректора не создает

ни экспрессии, ни подтекста, которые ощущались в том же контексте со словом *покамест*. Оно будет воспринято только как проявление косноязычия, несвободного владения речью, странного для человека, который возглавляет высшее учебное заведение. Поэтому получатель речи рассказчика может допустить, что тот умышленно приписал слово *понимаешь* ректору, испытывая к нему неприязнь и желая унижить его в глазах слушателей. Кстати, в употреблении неправильностей *exайте* и *средства* в приведенных выше экспериментальных контекстах получатель речи может усмотреть злостный оговор ректора рассказчиком.

Существенно также, что в беседе с деревенскими жителями писатель, артист, врач (особенно если он выходец из этой же среды), чтобы создать обстановку близости с собеседниками, чтобы не быть среди них белой вороной, вполне может сказать: „Я *давеча* был в сельмаге”. И это, видимо, будет принято благосклонно. Но умышленно употребить слово, которое свидетельствует о косноязычии (Я, *понимаешь*, был сейчас в сельмаге), а тем более о недостаточной грамотности (Я *блок* очень вкусный) психологически трудно, так что от такого употребления они, как представляется, воздержатся.

Учитывая то, что узко специальная терминология, некодифицированные элементы синтаксиса устной спонтанной речи, неправильности, элементы-паразиты используются, во всяком случае могут быть использованы за пределами их реальной речевой закреплённости в специальных целях, есть основания считать их третьим типом стилистических ресурсов языка. Имея в виду их роль в этих сферах речи (по принятой терминологии стилям) – их функциональную обусловленность экстралингвистическими факторами, перечисленные средства целесообразно называть конструктивно-стилевыми.

Следует также отметить, что принципиально иным типом стилистических свойств лексики является также их метафоричность и усилительный характер значений: это не информация об обстоятельствах общения, а способ представления предметной информации, предметного содержания слов. Если слово, будучи метафоричным, вместе с тем обладает стилистической окраской и включает в себя непредметную информацию, оно принадлежит одновременно двум разным типам стилистически маркированных средств языка.

Разграничение разных типов стилистических ресурсов имеет особо важное значение для лексикографической практики. Одна из основных при-

чин разнобоя в стилистических характеристиках лексических единиц словарями современного русского литературного языка, что неоднократно отмечалось исследователями, — ошибочное понимание составителями словарей (вслед за специалистами в области стилистики) дифференциального признака стилистически окрашенных средств, признание таким признаком закреплённости языковых фактов за определёнными условиями обления. Ориентация на этот, как отмечено, вторичный их признак позволяет лексикографам с достаточной степенью достоверности характеризовать слова как специальные, медицинские, ботанические и т.п., приписывая все их к стилистически окрашенной лексике. Задача осложняется при квалификации слов, заключающих в себе непредметную стилистическую информацию. Определить их стилистический статус по условиям их употребления, учитывая возможность широкого применения таких слов за пределами их „идеальной” закреплённости, затруднительно, и лексикографы, вопреки своим теоретическим установкам, ориентируются на другой, тоже вторичный признак таких слов — их стилистическую окраску. Определяется она на основании непосредственного восприятия слов только самими составителями словарей, так что субъективность стилистических оценок, в частности, неразличение слов стилистически окрашенных и принадлежащих ассоциативно-стилистической лексике, неизбежны.

Но главное в другом: ориентация на окраску не может обеспечить полноту и точность стилистических оценок слов.

Существует лишь два типа стилистических окрасок. К первому типу относится окраска слов *морковка, мама, воротиться, нынче, никак* в знач. ‘кажется, как будто’, *силком, порожний, вчера, давеча, намедни* и т.п., с одной стороны, и слов (словосочетаний) *вследствие того что, в связи с тем что, ибо, период, поскольку* и т.п., с другой. Стилистическое впечатление, которое они вызывают, с трудом поддается определению. Пометы *разг. и прост.*, которыми обозначаются в словарях слова первой группы, и помета *книжн.*, которая дается словам второй группы, недостаточно точно отражают их действительный характер: далеко не все слова, имеющие книжную окраску, несут на себе отпечаток письменной речи, а слова с разговорной окраской — отпечаток речи устной. Точнее характеристика окраски слов, подобных словам *морковка, тетя, нынче, вчера*, как стилистически сниженной. Такая характеристика подчеркивает однотипность — по окраске — тех слов, которые получают помету *разг.*, и тех, которым дается помета *прост.* Как справедливо считает И.С.Ильин-

ская, те и другие различаются степенью их стилистической сниженности (Ильинская 1950). Следует отметить, что и просторечные слова характеризуются одни большей, другие меньшей сниженностью – ср. *ежели*, *покуда*, *давеча*, *нешто*, *намедни*, *откудава*. Соответственно окраску таких слов, как *ибо*, *утрировать*, *импульсивный* и т.п. можно охарактеризовать как стилистически приподнятую (она также может быть более или менее интенсивной).

Окраску второго типа при всем ее разнообразии (ср. *отчизна*, *сподвижник*, *баловник*, *мальшика*, *писака*, *сбориле*, *хрычовка*, *жратва*, *опунеть* и т.д.) можно охарактеризовать как окраску эмоциональности.

Между тем непредметная стилистическая информация, которую содержит в себе стилистически окрашенная лексика, делится на четыре типа. За функционально-стилистической окраской кроется, с одной стороны, информация о сфере общения (*мама*, *папа*, *морковка*, *стенка*, *коленка* и т.п. характеризуют условия общения как обиходно-бытовые, *вследствие того что*, *ибо*, *период* и т.п. как надбытовые), а с другой стороны, характеристика говорящего с точки зрения его принадлежности к той или иной социальной, культурно-образовательной, возрастной, территориальной группе населения: *нынче*, *сперва*, *ежели*, *покамест*, *вчера*, *утрировать*, *импонировать* и т.п. (Различия в интенсивности функционально-сниженной окраски связаны со степенью отдаленности говорящего от среднего, так сказать, стандартного носителя литературного языка). За окраской эмоциональности скрывается, во-первых, отношение говорящего к обозначаемому (в речи – отношение говорящего к ее предмету – *писака*, *войка*, *карапуз* и т.д.), а во-вторых, отношение к самому слову (таковы, в частности, слова грубые, вульгарные, неприличные – *жрать*, *дрыхнуть*, *дерьмо*, *сортир* и т.п.).

Таким образом, стилистические пометы словарей не отражают даже различий в типах стилистической информации, не говоря уже об их видах и разновидностях. Следовательно, стилистическая переоценка лексики – задача, как очевидно, весьма актуальная – должна вестись в соответствии с действительным признаком стилистически окрашенных слов – непредметной стилистической информацией, которую они в себе заключают.

Литература

- Ильинская И.С., 1950, *Из наблюдений над лексикой Пушкина (элементы современного просторечия у Пушкина)*. – Труды Ин-та русского языка АН СССР, т. 2, осипа – Ленинград.
- Петрицева Е.Ф. 1984, *Стилистически окрашенная лексика русского языка*, Москва: Наука.

Stylistic Means of Russian Vocabulary

The article shows that in the Russian language there exist three basically different types of stylistical means of the vocabulary. One of them is the vocabulary which has been traditionally called *stylistically shaded*. Its distinctive feature is the non-objective stylistic information, contained in it by language presentation of the speakers in literary language (information concerning some communicative situations). The capability of that vocabulary to induce, without a context, a stylistic impression (its stylistic shading) and its linguistic stability, upon which lexicographers and stylists have focused their attention when separating and qualifying stylistically shaded words, are, from a synchronical point of view, secondary features. The second type is the so-called *associative-stylistic* vocabulary. That one is considered to be stylistically shaded, yet does not contain in itself stylistic information. The third type is the vocabulary, which also does not carry such information nor does it possess stylistic shading or stylistic qualification, but is actually bound to certain spheres of the communicative situation because of its functional dependence upon some specific characteristics of speech. That type of vocabulary is called *constructive-stylistic*.